

Известия. – 1943. – 2 сент.

Город над морем

Только на крыльях авиации можно поспеть за военными событиями этого лета. Автомобиль, даже сверхскоростной, в условиях наступления Краской Армии на многих участка фронта уже не может быть удобным средством передвижения для военных корреспондентов. После Орла несколько дней назад мы были в Харькове. На рассвете мы вылетели из Москвы на юг. Пилот капитан Михаил Скрыльников проложил в воздухе идеальную прямую и через несколько часов, пролетев над Донбассом, над Шахтами, над Новочеркасском, опустил нас в Ростов, где мы пересели в автомобиль и вскоре увидели Азовское море.

Море!

Мы привыкли к фронту дождей, прохладных, серых деньков, размытых влагой дорог. Самолёт перенёс вас в другой мир, на другую войну. Жёлтая земля, жёлтая пыль, белый свет южного солнца. Измученные зноем, разомлевшие, бестелесные облака. Навстречу пыхтящему, суетливому автомобилю, высокомерно смерив нас взглядом, выступает - верблюд. Спасаясь от жара, бойцы на пыльной приморской дороге надевают под пилотку белые платки и сразу делаются похожими на солдат времён Скобелева. Дорога ныряет с холма на холм, пересекает линии траншей, перед самым городом протискивается через проволочные заграждения, огибает взорванный мост, бежит вдоль противотанкового эскарпа.

Здесь немцы держали последнюю оборону у ворот города. Жёлтый, безжизненный берег залива. Дальше он плавно изгибается, и на самом сгибе, на возвышенности, царствующей над всем районом, мы видим деревья, дома.

- Он?

- Да. Таганрог.

Шестьсот восемьдесят дней прелестный южный город был в руках немцев. Они терзали его хладнокровно и безжалостно. Они обороняли его свирепо, как загнанный в угол, притёртый к стене убийца защищает свою жизнь и награбленное добро. Они жгли, насиловали, убивали. Они не собирались отступить. «Эвакуация из города запрещена», — объявлял в расклеенном по городу приказе немецкий комендант. «Для укрепления порядка патрули будут охранять улицы города и ночью. С сегодняшнего дня хождение по улицам разрешено до 19 ч. 30 м. Кого застанут позже на улице, тот будет рассматриваться как партизан...»

Самое любопытное в этом приказе — дата, она напечатана жирно, с немецкой самоуверенностью:

«Таганрог. 28.8.1943 г.».

А в ночь на 30.8.1943 г. для подлинного укрепления порядка и спокойствия Таганрога улицы охраняли уже... партизаны.

Штурм наших войск был штурмом громадной стремительной силы, высокого напряжения. Красная Армия внезапно прорвалась на фланг и в тыл немецкой группировки. Советская конница громила глубину немецкого фронта. Не дни, а часы и минуты немецкого гарнизона были сочтены. Не успел ортскомендант опубликовать знаменитый приказ 28.8.43 г., еж ему пришлось захлопнуть чемодан и, не выполнив целиком плана поджогов и разрушений, бежать, догоняя солдат своего гарнизона. Катастрофа настигла врага врасплох.

На бегу был пойман за городом бургомистр Таганрога. В другом месте попался его помощник. Не успел убежать даже начальник полиции...

> * >

В здании горсовета, среди деловых и, видно, забывших об отдыхе сотрудников (они толковали «б открытия магазинов, пекарен, почты, театров, кинематографов, школ), мы застали группу вооружённых людей. В дальнем углу вестибюля они организовали

нечто в роде временного бивука. Там стоял «танковый пулемёт, рядом с ним были сложенные автоматы, походные ящики, запylённые сапоги, шинели и куртки, весь скарб пришедших из боя людей. Чёрный от пыли, небритый человек спал, обняв рукой пулемёт. Другой говорил по телефону с представителем одного из местных предприятий:

— Сегодня начинаете восстановительные работы? Ну, теперь я спокоен. Да, можно сказать, с бою взяли. Теперь действуйте сами, мы своё дело сделали.

Это был командир партизанского отряда «Отважный-2» Александр Гуда. Рядом с ним стоял у телефона комиссар отряда тов. Пятаков. На рассвете 30 августа они вышли из боя. В вестибюле мы повстречались с людьми, которые помогли сохранить некоторые здания города от разрушений и смерти. На рассвете, когда войска Красной Армии полностью заняли город, партизаны Александра Гуды сдавали эти здания рабочим.

В типографию местной газеты утром явились рабочие, наборщики, линотиписты. Через час они печатали на спасенных от разгрома манниках первый приказ советского коменданта. На другой день стали функционировать почтамт, контора Государственного банка СССР, горторготдел. Создавались первые столовые, подкатывали грузовики к первым советским магазинам, кассиры открывали свои окошечки в двух кинотеатрах, где механики успели установить только что привезенные из Ростова проекционные аппараты. На улице я видел женщин, обступивших стройную девушку в форме бойца. В руке у девушки был флажок. Улыбаясь восторженному вниманию горожанок, она отмашкой флажка направляла поток запylённых тягачей, грузовиков, пушек, и женщины Таганрога смотрели на неё, как зачарованные.

В бухте, недавно сонной, безмолвной, пенили воду ответам» ватера. В небе жужжали вездесущие вестники победы, связные самолёты «У-2». Едва успеем отвечать на вопросы горожан, пробираясь сквозь улицы Таганрога, мы вышли из города. Кольцо немецких траншей, мёртвых, пустых, окружало его: последний след оккупации.

Евгений КРИГЕР,
спец. корреспондент «Известий».